

За то время, что Се Юйсуй знал Сюнь Хайши, он успел уяснить одну вещь: стоило главе ордена захотеть замять разговор, как он тут же отпускал какую-нибудь двусмысленную глупость.

И теперь, когда Сюнь Хайши в шутку тявкнул по-собачьи, князь попросту натянул одеяло, укутав этого несносного человека с головой, а сам улегся на самом краю постели и зажмурился, давая понять, что разговор окончен.

Лежа спиной к нему, Се Юйсуй слышал тихий смешок. Смех, впрочем, тут же перешел в глухой, натужный кашель. Лишь спустя приличное время тот утих, дыхание Сюнь Хайши выровнялось, и в комнате воцарилась сонная тишина.

Се Юйсуй так и не сомкнул глаз. Делить одно ложе с человеком, у которого на уме свои тайные помыслы — испытание не из легких. И пусть со стороны казалось, что глава ордена крепко спит, верить в его безмятежность Се Юйсуй не собирался.

Жаль только, что сегодняшние хлопоты не принесли главного — им так и не удалось повидаться с военным комиссаром Ляном.

Се Юйсуй умолчал об этом, но на самом деле он кое-что знал о покойном.

Лян Хунцзе славился редкостным сластолюбием. Не унаследовав от отца ни капли государственного ума, он проводил дни в беспутном пьянстве, из-за чего разгневанный родитель и сослал его в эту глушь.

Се Юйсуй никогда не встречался с ним лично, да и в донесениях тайной службы на имя этого ничтожества отвели едва ли пару строк — тратить бумагу на подробное описание подобной швали было бы непозволительной роскошью.

И надо же было такому человеку подохнуть как раз за несколько дней до их прибытия в город Юнчжоу, став тяжелым бревном на их пути.

Се Юйсуй погрузился в невеселые размышления, как вдруг из темноты за его спиной раздался негромкий голос:

— Зачем нашему князю понадобилось являться в этот захолустный город Юнчжоу? Вы ведь что-то ищете, верно?

Сюнь Хайши говорил едва слышно, словно бормотал во сне.

Се Юйсуй внутренне подобрался. Мысли, которые он так тщательно гнал от себя весь вечер, вновь полезли в голову.

— Мне стоит поразиться вашей проницательности, глава ордена Сюнь, или же восхититься вашим всеведением и придушить вас прямо сейчас, пока вы так слабы? — негромко отозвался Се Юйсуй. — Знать о том, чем я ни с кем не делился... Что ж, вы действительно оправдываете звание главы Павильона Небесной Оси.

Он и вправду явился сюда ради поисков. И дело было столь важным, что о нем не ведал даже верный У Фэн.

«Вещь», которую он искал, была письмом. Если верить тайному посланнику, где-то в окрестностях Юнчжоу хранилось личное послание покойного князя царства Ци.

Тот старый князь приходился родным братом правителю Ци. В былые годы он отправился с посольством в царство Чжу, да так и сгинул на чужбине — больше его никто не видел.

Казалось бы, ради клочка бумаги не стоило тайно пересекать границу враждебного государства. Обычное послание мог забрать преданный слуга. Будь в нем государственная тайна — князь мог бы обсудить дело с советниками и выступить под охраной отборного отряда. Однако Се Юйсуй проделал этот путь сам, оставшись без всякой поддержки.

Все потому, что покойный князь занимал слишком шаткое положение. И в Чжу, и в Ци его имя давно предали забвению, сделав запретным. Немногие ныне помнили подоплеку тех событий, и даже сам Се Юйсуй узнал о них лишь благодаря случайности.

Ему было известно лишь то, что именно исчезновение этого человека послужило искрой, разжегшей пламя войны между двумя царствами — пусть даже то кровопролитие и утихло спустя год.

— Сложить два и два не так уж трудно, — Сюнь Хайши негромко рассмеялся. — Юнчжоу — не военная крепость и не богатый торговый край. Здесь нет ни стратегических запасов, ни имперских тайн. Если уж сам великий князь проделал такой путь в эти дебри, значит, дело в какой-то ценности, о которой нельзя трезвонить на каждом углу. Любопытно только, как эта вещичка связана лично с вами, раз вы решились в одиночку явиться в царство Чжу?

— Пустяк, семейная безделушка, — Се Юйсуй прикрыл глаза, и голос его зазвучал глуше, выдавая крайнюю усталость. — Спите лучше. Нам нужно покончить со всеми делами за пару дней. Полагаю, вам сейчас тоже не улыбается встречаться с родней покойного Ляна.

После этого в комнате воцарилось молчание. Больше никто не проронил ни слова.

Сюнь Хайши, укутавшись в тяжелое одеяло у самой стены, потратил последние силы на этот короткий разговор. Стоило Се Юйсую замолчать, как сознание главы ордена поплыло. На границе сна и яви явь растаяла, уступая место совсем иным картинам.

Месту, которое он знал слишком хорошо.

Сны снились ему редко. Даже когда он балансировал на краю могилы или лежал без памяти после тяжелых ранений, его разум не рождал четких образов. Обычно это был лишь липкий, душный хаос — крики, плач, грохот, сквозь которые невозможно было ничего разглядеть.

Но сегодня, засыпая бок о бок с чужеземным князем, он внезапно увидел во сне того, кого не вспоминал уже целую вечность.

В этом сне на нем были просторные, не по размеру большие одежды. Сюнь Хайши оказался заперт в теле маленького ребенка, изо всех сил бегущего сквозь проливной дождь.

Разум оставался ясным, но тело не подчинялось воле — он мог лишь безучастно смотреть на происходящее чужими глазами.

Воздух вокруг пропитался тошнотворной вонью сырой земли, гари и свежей крови. При каждом вдохе детскую грудь сдавливало мучительной судорогой.

Мальчик бежал сломя голову, спотыкался о камни, падал в грязь и упрямо карабкался вверх, не обращая внимания на ободранные до крови ладони и колени. Казалось, за ним по пятам несется свора невидимых хищников.

Но улица тянулась бесконечно, а испуганный ребенок к тому же перепутал дорогу и в конце концов без сил завалился в подмокший стог сена у обочины.

Мальчик был с ног до головы испачкан грязью. На его бледном лице полыхали багровые отсветы пожара, в ушах стоял непрекращающийся гул далеких криков и предсмертных стонов. Забившись поглубже, ребенок безучастно наблюдал, как пламя пожирает улицу за улицей, неумолимо подбираясь к его укрытию.

Взрослый Сюнь Хайши со стороны взирал на эту сцену с абсолютным, ледяным равнодушием.

Детские ноги давно затекли, но малыш продолжал послушно лежать, свернувшись калачиком.

Он понимал, что скоро умрет. И пусть для ребенка это слово еще не имело пугающего смысла, он знал главное: дома больше нет, близких тоже. В его крошечной голове билась лишь одна простая мысль: если огонь заберет его, он снова встретится с мамой.

Матушка когда-то рассказывала, что после смерти души попадают в Подземное царство, где Владыка Яньло вершит свой суд над праведниками и грешниками, прежде чем позволить им переродиться. Хорошие люди в следующей жизни непременно снова станут людьми. И даже если сейчас они расстались навсегда, кто знает — быть может, в грядущем они встретятся вновь, под другими именами.

Это были последние слова мамы перед тем, как она вытолкнула его наружу через узкий лаз в стене. Она умоляла его оставаться достойным человеком, не искать мести и просто жить.

Даже проливной дождь не мог справиться с бушующим пожаром. Вопли постепенно затихали. Сено над головой мальчика уже затлело, и он, обхватив колени руками и мелко дрожа, зажмурился в ожидании неминуемой смерти.

Сюнь Хайши в своем сне тоже закрыл глаза. Жар пламени и ледяные брызги дождя сменяли друг друга с такой отчетливостью, будто он наяву вернулся в то страшное прошлое — вновь став беспомощным, перепуганным ребенком, не способным ничего изменить.

Ему оставалось лишь покорно ждать, когда этот кошмар наконец рассеется.

Но вдруг сквозь сплошной шум ливня донесся отчетливый шорох приближающихся шагов.

Сюнь Хайши резко распахнул глаза. В то же мгновение он почувствовал, как барьер между ним нынешним и тем испуганным мальчиком в соломе рухнул. Он больше не был сторонним наблюдателем — он полностью слился со своим детским телом, разделяя всю его детскую беспомощность и ужас.

Перед ним опустилась широкая мужская ладонь с каплями воды на кончиках пальцев. Поперек нее тянулся глубокий темный шрам. Мальчик несмело протянул свою грязную ладонь и вложил ее в эту руку.

Незнакомец крепко сжал пальцы ребенка, рывком вытянул его из горящего стога и ледяным, не терпящим возражений тоном скомандовал всего одно слово:

— Убить.

Сюнь Хайши рывком сел на постели, тяжело дыша.

Вокруг колыхался знакомый полог кровати, плечи согревало тяжелое одеяло постоянного двора. Он проснулся. Кошмар отступил, уступив место реальности, вот только Се Юйсуй рядом не было.

Приподнявшись на локтях, глава ордена отер выступившую на лбу холодную испарину.

«Докатился... Стоило немного побыть на сквозняке, как свалился без памяти. Здоровье и впрямь ни к черту»

Слава небесам, что рядом оказался Се Юйсуй, не желавший ему зла. Будь у князя хоть капля намерения избавиться от него — Сюнь Хайши уже несколько раз отправился бы к праотцам.

Сюнь Хайши хрипло усмехнулся. В этой тихой, безжизненной усмешке проглянуло что-то от того самого брошенного ребенка из его сна.

То были обрывки воспоминаний из далекого детства, еще до того, как он попал в Павильон Небесной Оси. Он не вспоминал о тех годах без малого целую вечность, но сегодня прошлая жизнь почему-то решила заявить о себе.

Впрочем, призраки прошлого никогда не тяготили его. Те твари, что вырезали его семью, давно гнили в сырой земле, так что и сокрушаться было не о чем.

Он еще немного посидел в тишине, дожидаясь, пока высохнет липкий пот, а затем вновь натянул одеяло, собираясь немного вздремнуть.

За окном вовсю сияло солнце, а кража трупа из Управления по умиротворению — дело исключительно ночное, при свете дня соваться туда глупо.

Едва он устроился поудобнее, как дверь тихо скрипнула, впуская кого-то в комнату.

Помещение было скромным, и лишь небольшая ширма отделяла постель от входа.

Обогнув ее, Се Юйсуй подошел к кровати и оглядел больного сверху вниз. Лицо Сюнь Хайши казалось еще бледнее прежнего, однако взгляд оставался ясным и цепким — значит, помирать этот проныра пока не собирался.

— Ну как ты? — поинтересовался Се Юйсуй. — Утром я приводил лекаря. Сейчас выпьешь отвар, пропотеешь как следует, и все пройдет.

Сюнь Хайши промолчал, натянув одеяло до самого носа. Он пристально уставился на князя округлившимися глазами, растеряв всю свою привычную прищуренную насмешливость, а затем тихо позвал:

— Ваше Высочество князь Юй.

Тот от неожиданности опешил.

Конечно, Сюнь Хайши и раньше то и дело вворачивал уважительное «князь», но делал это с такой язвительной интонацией, что уважением там и не пахло. Официальный титул из его уст прозвучал впервые.

— А я-то думал, тебе неизвестно мое имя, — негромко усмехнулся Се Юйсуй.

— О, столь важные вещи упускать нельзя, — Сюнь Хайши прищурился, возвращаясь к привычному тону. — Мало ли, вдруг наши государства снова сойдутся на поле боя? Встречу я вас среди суматохи, восплаю греховной страстью да затащу к себе в постель, не ведая, кто передо мной. Какая неловкость выйдет!

«Как всегда... Ни одной приличной фразы до конца договорить не может»

Се Юйсуй тут же посерьезнел. В дверь как раз постучали. Проигнорировав шутливые ужимки собеседника, он вышел на порог и вернулся с пиалой, над которой поднимался густой целебный пар.

От одного только запаха этого варева во рту становилось горько.

Сюнь Хайши послушно сел, принял горячую посудину, подул на темную жидкость и, не морщась, осушил ее до дна.

Вязкая горечь, обжигая горло, наконец выветрила из его головы остатки сонного наваждения.

Еще мгновение назад он едва не совершил глупость — глупую, непозволительную оплошность. Хотел спросить у Се Юйсуй, как это он умудрился проспять приход лекаря, и с каких пор чужеземный князь так печется о его здоровье.

Однако подобные расспросы выдали бы затаившееся в душе доверие — опасное чувство, которому не должно быть места между ними.

Он — глава Павильона Небесной Оси, человек, привыкший ходить по острию бритвы. Ему положено держать ухо востро и с соратниками, и с правителями, и с собственными слугами. Что уж говорить о заморском высокородном принце.

Так что горький отвар вылечил не только простуду, но и прогнал неуместную сентиментальность, навеянную кошмаром.

Се Юйсуй, не подозревавший о разыгравшейся в чужой душе буре, лишь удивленно вскинул брови. Он не ожидал, что больной осушит пиалу без лишних капризов.

Князь готовился к долгим уговорам, подозрениям или показному упрямству. Поэтому, когда пустая пиала бесцеремонно ткнулась ему в ладонь, он машинально забрал ее. Движение вышло настолько естественным, словно он всю жизнь только и делал, что прислуживал этому несносному главе ордена.

— А ты смельчак, — хмыкнул Се Юйсуй, ставя посуду на стол. — Выпил и даже не подумал, что там может быть яд.

— Живой я принесу вам куда больше пользы, — раздался за спиной ленивый голос Сюнь Хайши. — Неужели Его Высочество позволит мне так глупо погибнуть?

Князь повернулся, и глава Павильона, внимательно взглядевшись в его лицо, добавил:

— Судя по твоему виду, стряслось что-то скверное?

На лице Се Юйсуй действительно читалось колебание — он явно хотел чем-то поделиться, но не решался начать разговор.

Сюнь Хайши стер каплю лекарства с губы:

— Это как-то касается меня?

— Не совсем, — Се Юйсуй подошел ближе и нахмурился. — Но ситуация усложнилась.

— Старший молодой господин Лян уже в городе? — мгновенно догадался Сюнь Хайши.

Попал в яблочко.

— Тебе бы повязать на глаза черную ленту, поставить столик на перекрестке да предсказывать судьбу прохожим, — покачал головой Се Юйсуй. — Все так. И дело принимает дурной оборот. Боюсь, У Фэна нам так быстро не вытащить.

— Главное, чтобы его там не пришибли, — отозвался глава Павильона. — Нужно будет выкроить время и пробраться в узилище. Местные чинуши скоры на расправу: вздернут бедолагу на ремне, а потом объявят, что он наложил на себя руки от страха перед правосудием.

Подобных расправ Сюнь Хайши повидал немало. Каждый год суды закрывали десятки безнадежных дел по одной схеме: чтобы уберечь собственные чиновничьи шапки, судьи хватали первого встречного, вырывали несчастному язык, запугивали расправой над семьей или просто тихо душили в камере, списывая все на «признание вины и раскаяние».

Се Юйсуй прекрасно знал, как устроена эта гнилая система, и оттого тревожился еще сильнее.

— Думаю, тебе сейчас не стоит лишний раз показываться на улице, — серьезно сказал князь. — Да и здоровье нужно поправить. Отлеживайся в трактире, а я пока займусь нашими делами.

Он говорил искренне. Сюнь Хайши занимал слишком высокий пост в столичной иерархии, и его появление в захолустном Юнчжоу могло привлечь ненужное внимание со стороны

правительственных ищеек.

Едва рассвело, Се Юйсуй связался со своими людьми, дежурившими за городскими стенами. Разведчики уже успели осмотреть подступы к Управлению по умиротворению. По их расчетам, старший молодой господин Лян должен был въехать в город Юнчжоу ближе к сумеркам.

— А что с той девицей, которую мы вчера вытащили? — лениво поинтересовался Сюнь Хайши, снова укутываясь в одеяло по самые уши и оставив снаружи лишь внимательный взгляд.

— Тут есть странность, — отозвался Се Юйсуй. — Судя по всему, она обычная крестьянка из пригородной деревни. Семья у нее — простые, добропорядочные хлеборобы. Сама она пропала дней семь назад, когда отправилась на рынок за покупками. Как ее угораздило попасть в руки похитителей — ума не приложу. Наткнулись мы на нее чистой воды случайно. О людях в черном она не знает ровным счетом ничего.

— И ты уверен, что девка не водит тебя за нос? — усомнился глава ордена, скептически приподняв бровь.

Се Юйсуй присел у стола и неторопливо налил себе остывшего чая. Сделав глоток, он сухо отрезал:

— Мои дознаватели умеют развязывать языки, так что оставь сомнения при себе, глава ордена Сюнь. Ей действительно ничего не известно.

Сюнь Хайши и не думал лезть не в свое дело. Судьба крестьянки его мало заботила — сейчас ему просто требовалось надежное укрытие, которое обеспечивал Се Юйсуй, а потому он был не прочь оказать ответную услугу.

— И как зовут эту бедняжку? — как бы между прочим поинтересовался он.

— Сюй Наньжун.

— Хм, — протянул Сюнь Хайши. — Слишком изящное имя для простой деревенской замарашки.

<http://bllate.org/book/20070/2001638>